

Сабина Янина

"Обо всём"
сборник
рассказов

Сабина Янина

«Обо всём» сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71586016

SelfPub; 2025

Аннотация

Публикую второй, дополненный сборник рассказов и повестей.

Я составила сборник в хронологическом порядке, начина от своих самых ранних рассказов и заканчивая последним рассказом "Браслет души", который был написан в ноябре 2024 года для конкурса научно-фантастических рассказов "Россия 2050".

В сборник входят произведения разных жанров: и психологической драмы с элементами детектива, и юмористические, и рассказы о любви, но большая их часть написана в жанре фантастики.

Надеюсь, что вы найдёт для себя произведение, которое доставит несколько минут удовольствия.

Содержание

Смерть на пляже (2017 г.)	4
Раздумья о человеке (2017 г.)	29
О Любви (2018 г)	39
Исполняющая мечты (2018 г)	42
Начало конца (2019 г)	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Сабина Янина

"Обо всём"

сборник рассказов

Смерть на пляже (2017 г.)

Солнце, море, пляж! Что может быть лучше, когда раз в году выбираешься из душного офиса? Уже три дня, как я купаюсь в этом счастье. И счастье называется Чёрное море. Вот и сейчас, сильное и ласковое, оно несёт меня, тихо баюкая, к другому краю земли.

Нет, всё-таки к другому краю не надо, я не очень хорошо плаваю, лучше вернуться поближе к берегу. Наплававшись, выбираюсь на берег и с удовольствием растягиваюсь на шезлонге. Благодать. Рядом девушки щебечут и смеются о чём-то, о своём. Ребятишки брызгаются на отмели, а их родители безмятежно подставляют животы под жаркие лучи солнца, лениво потягивают коктейли и читают детективы. Хорошо. Скоро вечер. Опять весь день провалялась на пляже.

– Глафира, – сказала я худенькой женщине лет пятидесяти, лежащей на соседнем шезлонге, – пойду, пройдусь, а то за эти три дня на пляже у меня уже прибавилось килограмма три. Боже, что со мной будет через две недели отпуска!

Глафира махнула рукой, не отрываясь от книги.

Упрекая себя за лень и обжорство, я решила пробежаться по берегу или хотя бы быстрым шагом пройти пару километров. Быстро накинув лёгкий пляжный халатик и сунув ноги в шлёпки, пошла вдоль берега. Идти было неудобно: в шлёпки всё время попадал песок и мелкие камешки.

«Уж лучше босиком», – решила я, сбросила их и побежала. Бежала я недолго, задыхнулась и перешла на шаг.

«Однако, – подумала я, – совсем плохая стала».

Я ушла вдоль берега довольно далеко. Дошла до бухточки и зашла в неё. Вода в ней была тёплая, а сама бухточка мелкая. Я сделала несколько шагов и прямо перед собой, на песке, увидела молодую женщину. Она лежала метрах в трёх от воды в открытом купальнике и в распахнутом халатике. Подойдя поближе, я увидела сильный кровоподтёк на её шее. Я заглянула ей в лицо и отпрянула, невольно зажмурившись. Она была мертва. Страх так сжал сердце, что оно бухнуло, перевернулось и застучало, как из пулемёта. Со всех ног я бросилась в пансионат.

С криком:

– Там в бухточке убитая девушка! – я кинулась к администратору.

– Вы с ума сошли! – подскочила та на месте. – Этого не может быть!

– Точно! Я сама сейчас её видела!

– Да не кричите вы так, – опомнилась администратор и

дёрнула меня за руку, почти втиснула в служебную комнату.

– Посидите тут, успокойтесь. Сейчас принесу вам воды и сообщу в полицию.

Она оставила меня одну. А у меня перед глазами всё стояла та девушка, с открытыми глазами, как будто смотрела на меня. Меня передёрнуло, сильно разболелась голова. Через несколько минут вернулась администратор и принесла мне стакан воды.

– Выпейте.

– Спасибо, Маргарита, – сказала я, взглянув на её бейджик. – У меня голова разболелась. Я, пожалуй, пойду к себе. Или надо подождать полицию?

– Лучше подождите. Сейчас я вам принесу что-нибудь от головной боли.

– Хорошо.

Ждать пришлось недолго. Не прошло и получаса, как приехали полицейские. Их было двое. Пожилой, лет шестидесяти, высокий, чуть сутулый толстяк, выглядел неповоротливым, даже усталым; и парень, лет двадцати пяти, похожий на студента.

«Помощник», – подумала я.

Они прошли в комнату.

– Ну, что тут у нас? – не здороваясь, спросил старший, отдуваясь и вытирая шею платком.

– У нас тут труп, – пересохшими губами сказала я.

Он покосился на меня.

– Ага. Ну и где он, ваш труп? – спросил усаживаясь.

– Почему это мой, – обиделась я. – Мёртвая девушка там, на пляже, в бухте. Отсюда в километре по берегу.

– Так, ещё и в километре по берегу, – проворчал он.

– А вы кто, дамочка, будете? Ваши документы? – обратился он ко мне.

– Мои документы в номере. Я здесь отдыхаю в номере тридцать восемь. Принести?

– Принесите. Егор, – повернулся он к помощнику, – проводи.

Я вышла в сопровождении Егора. Вернулись мы быстро. Полицейский взял мой паспорт и стал заполнять какой-то бланк:

–Ибрагимова Ирина Львовна, – прочёл он вслух, – семьдесят пятого года рождения. Замужем. Так. Значит, заявляете, что видели труп женщины на пляже?

– Заявляю, – сказала я.

Он заполнил бланк и протянул мне.

– Прочитайте, если всё так, подпишите протокол устного заявления о преступлении.

Я подписала.

– Давно тут отдыхаете? – спросил он.

– Сегодня третий день.

– Ладно, пойдёмте, покажите, где видели труп, – сказал он, возвращая мне паспорт.

Быстро темнело. На море всегда так, светло, светло, а по-

том сразу падает темнота. Вот и сейчас оставалось каких-нибудь пятнадцать минут до полной темноты. Я не трусиха, но мёртвых побаиваюсь, да ещё когда темно... Бр-р-р... Нервно поёживаясь, я пошла за полицейскими.

– Эй, где вы там, – окликнул меня полицейский, – не оставайтесь!

Дошли до места ещё засветло. Девушка всё так же лежала. Полицейские подошли к ней. Склонились. О чём-то пошептались, и старший достал рацию. До меня долетали обрывки его фраз:

– Да... молодая женщина... похоже, задушена... присылайте криминалистов... тут пока... сейчас оцеплю... нет ещё... запишу показания... завтра.

Молодой человек лентой огораживал место вокруг лежащего тела. Закончив разговаривать, старший обернулся ко мне.

– Вы раньше видели эту девушку?

– Нет, не видела.

– Точно не знаете её? Она не из вашего пансионата?

– Ну, может, и из нашего. Я недавно приехала, и почти всё время на пляже загорала. Мало ещё кого знаю.

– А зачем вы сюда забрели? Так далеко от пляжа?

– Просто хотела пройтись по берегу, погулять.

– Странно, чего тут гулять-то.

– Так море, берег, всего в километре от пляжа, тихо – почему не погулять?

– Значит, вы, кроме этой девушки, никого не видели?

– Нет, не видела.

– А вы босиком, что ли, гуляли? Вокруг натоптано босыми ногами.

– Босиком, а что?

Старший посмотрел на меня:

– Ну ладно. Завтра из пансионата никуда не уходите. Буду допрашивать постояльцев, и вам нужно быть.

– Хорошо.

Помолчали.

– Мне уходить? – спросила я.

– Да, можете идти.

Я хотела было уйти, но уже стемнело, и я нерешительно топталась рядом.

– Так, темно уже, ничего не видно. Я боюсь одна. Труп ещё этот, – прошептала я.

– Чего боитесь-то? Не маленькая уже. Труп за вами не побежит. Ладно. Егор, проводи её. Только быстро давай!

Добрались мы без приключений. Егор проводил меня до ворот пансионата и, простившись, ушёл, а я пошла к себе.

Включила свет и пошла в душ. Долго тёрлась губкой, как будто хотела смыть с себя все неприятные воспоминания. Спала я плохо, и утром из зеркала на меня смотрело бледное лицо с синими кругами под глазами. Немного тошнило. «Наверное, стресс, – подумала я. – Надо позавтракать, и всё пройдёт».

Несмотря на раннее утро, все уже были в курсе вчерашнего происшествия. В столовой отдыхающие встревоженно перешёптывались. Мои соседи по столу: Глафира Грацкая и супруги Пётр и Агнесса Свибловы – уже завтракали, когда я пришла.

– Доброе утро, – поздоровалась я, занимая своё место.

– Какое же оно доброе, милочка, вы не слышали, что произошло? – ворчливо произнесла Агнесса.

– Слышала, – ответила я.

– Куда катится мир, – пробормотал Пётр, с аппетитом жуя творожную запеканку, – даже на отдыхе нет покоя от преступлений! Убийства, воровство, мошенничество – куда ни плюнь!

После завтрака ко мне подошла Глафира. Я с ней познакомилась в первый день своего приезда, и почти всё время мы проводили вместе. Это была эффектная женщина лет пятидесяти, бывшая актриса, молодящаяся и большая модница. Она любила пококетничать с мужчинами и считала себя неотразимой дамой. Несмотря на разницу в возрасте, мы довольно близко сошлись с ней.

– Ириша, вы представляете! Её нашли на пляже! Вчера была полиция! Говорят, она задушена! Какой ужас! – затараторила она, прижимая к себе зонтик, – странная её особенность: она почему-то всегда и везде ходила с зонтом.

– Да, Глафира, я в курсе. Это я её нашла, когда вчера гуляла по берегу.

– Да что вы говорите! Какой кошмар! Я бы умерла от страха!

– Скоро придут полицейские и будут всех допрашивать, – сказала я.

– Допрашивать, тут в пансионате? Ну, это лучше, чем ехать в полицию. А во сколько нас вызовут?

– Не знаю, на ресепшене объявление висит, просят пока не расходиться. Будет объявление по радио.

К двенадцати часам дня подъехала полицейская машина. Допрос проходил в кабинете директора пансионата.

– Просьба всем отдыхающим собраться в киноконцертном зале, – услышали мы объявление.

– О! Вызывают! – встrepенулась Глафира. – Пойдёмте скорее.

В зале было душно, и мы попросили включить кондиционеры. Жужжание кондиционеров, шушуканье взволнованных людей подействовало на меня угнетающе, и я чувствовала себя совсем больной.

Первым вызвали на допрос Петра Свиблова. Он вышел через полчаса красный, нервный, и сразу ушёл к себе.

Мне пришлось прождать почти три часа, пока очередь дошла и до меня.

– А, старая знакомая, – сказал полицейский, – проходите, садитесь.

– Почему старая-то? – невольно спросила я. – Совсем ещё не старая.

Полицейский хмыкнул.

– Здравствуйте, – сказала я, усаживаясь на стул перед ним.

– Приветствую. Как спалось?

– Плохо. Мучили кошмары. Всё снилось, как я душу девушку на пляже.

– Это записать как чистосердечное признание?

– Это записать как шутку на злобу дня.

– Так, ладно, шутки в сторону. Скажите, где вы были позавчера с четырёх до шести вечера?

– Как всегда, на пляже.

– Кто это может подтвердить?

– Глафира. Глафира Грацкая. Она живёт в пятьдесят шестом номере. Мы часто с ней ходим вместе на пляж.

– Хорошо. Значит, убитую девушку вы раньше не видели?

– Нет, не видела. Я же вчера уже говорила.

– А что вы можете сказать об отдыхающих?

– А что я могу сказать? Вам лучше спросить у них.

– Гражданочка! Отвечайте на вопрос! У кого что спрашивать, я сам решу.

Я вздохнула:

– Странные вопросы вы задаёте. Я что, слежу за ними, что ли? Я приехала отдохнуть, загорать на пляже, купаться в море! Ну, сплетничают отдыхающие друг о друге от безделья, что такого? Сплетни вам пересказывать, что ли?

– Да, я хотел бы от вас услышать то, что говорят друг о друге отдыхающие, и что или кого вы видели в день убий-

ства.

– А когда девушку убили?

– Экспертиза установила, что смерть наступила позавчера где-то с четырёх до шести дня, – ответил полицейский.

– Ну, пансионат у нас небольшой. Сейчас проживают Пётр и Агнесса Свибловы, я с ними обедаю за одним столом. Глафира Грацкая тоже с нами, о ней я вам уже говорила. Моя компаньонка по отдыху. С ней я была в то время, о котором вы спрашиваете. Что я могу сказать об отдыхающих? Пётр Свиблов с Аркадием Трофимовым любят заключать разные пари, играть в карты. Ну, что выигрывают, благополучно оставляют в баре. Должно быть, и во время преступления они играли в покер. Я их не видела. А их жёны Агнесса с Бертой (женой Трофимова) в их отсутствие любят пококетничать с мужчинами. Я их видела на пляже в обществе двух кавалеров. Они загорали рядом с нами, потом, вроде бы, ушли в номер.

Полицейский хмыкнул.

– Ничего такого. Да и хоть. Вообще, кто не без греха? Главное, у них есть алиби, и они не убийцы. Виктория и Семён Бабичи любят поругаться. И в тот день я слышала их ссору, – я задумалась вспоминая. – Да, действительно. В тот день они сильно кричали и спорили о чём-то, вроде бы даже подрались. Вам лучше уточнить у администратора. Его вызывали, чтобы их успокоить. Об этом судачили на ужине. Вера и Максим Богдановы – молодожёны. Счастливые, – улыб-

нулась я. – Всегда ходят в обнимку, и всегда вместе. Вряд ли им надо было кого-то душить в своё свадебное путешествие. Они, скорее всего, были у себя в номере. Ещё у нас есть несколько семей с детьми, которые в это время плещутся в бассейне или на море. Я всех не знаю. Есть и одинокие женщины, и мужчины. Я знакома с одним из них – с Викентием Гуревичем. Он уже немолод. Ему за шестьдесят, наверное. Он художник и часто бывает с мольбертом у моря. Я тоже художница, поэтому пару раз с ним разговаривала, смотрела его картины. Как мне рассказывала Глафира, Гуревич старый холостяк и почти женоненавистник. Глафира хотела с ним познакомиться, но он как-то грубо отнёсся к ней. Хотя со мной он был любезен. Многих я уже видела на пляже или в пансионате, но ещё не со всеми знакома. Вот всё, что знаю. Из тех, о ком я рассказала, на мой взгляд, никто не мог быть убийцей. У всех есть алиби.

– Ну, это уж позвольте мне решать: кто мог, а кто не мог быть убийцей, и у кого есть алиби. Ладно. Спасибо. Можете идти отдыхать. Прошу вас никуда из пансионата дальше пляжа не отлучаться, пока идёт расследование.

– Хорошо, – ответила я и вышла.

У дверей меня встретила Глафира:

– Ну как? Что спрашивали?

– Да ерунду всякую. Кого видела в день убийства. Просил рассказать об отдыхающих, что знаю. Я сказала, о ком что слышала и кого видела, примерно в то время, когда убили

девушку. Сказала, что у нас с вами есть алиби, мы вместе отдыхали на пляже. Не волнуйтесь. Ладно, я пойду к себе. А вы ещё будете тут?

– Конечно, меня же ещё не вызывали. Потом пойдём на пляж поболтаем?

– Хорошо, пойдём, – ответила я.

Через два часа, уже лёжа на пляже, мы обсуждали происшествие.

– А знаете, – сказала Глафира, – преступления не закончились!

– Как так! – подпрыгнула я.

– А вот так! Я слышала сегодня, Гуревич жаловался, что у него пропало портмоне. У нас ещё и воры есть! Вот ужас-то! Надо скорее уезжать отсюда!

– Хм... кому нужно его портмоне, может, завалилось куда? Найдётся, я думаю. Разве раньше в пансионате бывали случаи воровства?

– Так раньше и случаев убийств не было!

– Ладно, пойдёмте лучше погуляем. Хоть погода хорошая. Мы встали и пошли вдоль берега.

– А давайте посмотрим на место убийства, – предложила Глафира. – Я ведь там так и не была. Идёмте, покажете, где вы её нашли! Очень хочется посмотреть.

Я поёжилась:

– Ну что там смотреть? Очень неприятное воспоминание. Мне не хочется туда идти, – стала отказываться я.

– Ну, пожалуйста! – упрашивала Глафира. – Я никогда не была на месте преступления! Это, должно быть, так загадочно.

– Хорошо, пошли, – сдалась я.

Дойдя до бухты, мы осторожно заглянули за поворот моря. Там было тихо и пустынно.

– Где вы её увидели? – шёпотом спросила Глафира.

– Вон там. Метрах в трёх от воды. Вон у тех кустов, видите? – зашептала я в ответ.

– Вижу. Пошли поближе?

Глафира, осторожно ступая, пошла вперёд. Я пошла следом за ней. На песке виднелись обрывки ленты, которой было огорожено место, где лежало тело девушки. Сейчас никаких следов уже не было. Только сильно затоптанный песок.

– Да, – сказала Глафира. – Место преступления. Я люблю детективы. Надеюсь, тут всё осмотрели внимательно. И никаких улик не пропустили, – она пошарила ногой в песке. – Вот бы найти улику, и по ней определить убийцу!

– Да здесь всё уже осмотрели сто раз, – предположила я, – пойдёмте обратно.

– Да-да, – откликнулась Глафира, – сейчас пойдём.

Я подошла к морю и задумалась.

– А это что такое?! – услышала я возглас Глафиры.

Быстро обернувшись, я поспешила к ней:

– Что? Где? Вы нашли улику?

Недалеко от кустов, где нашли тело девушки, лежал порт-

моне, наполовину откопанное из песка.

– Портмоне! – воскликнула Глафира и хотела его поднять.

– Стойте, не поднимайте, может, это убийца обронил в борьбе, и там его отпечатки, – сказала я, удерживая её.

– Слушайте, а уж не портмоне ли это Гуревича?! – спросила Глафира.

Мы переглянулись.

– Надо срочно сообщить полиции, – сказала Глафира. – Вы идите, а я покараулю. Ирочка, только, пожалуйста, побыстрее, а то мне одной страшно.

– Может, лучше позвоним и будем обе ждать? Мне не хочется вас оставлять одну. У меня есть визитка полицейского, и телефон с собой.

– Уф, ещё лучше! – откликнулась Глафира. – Звоните!

Полицейские прибыли через пятнадцать минут. Грузно ступая по песку, к нам приближался мрачный полицейский.

– Ну, что тут у вас опять?

– Вот, – показали мы. – Нашли мужское портмоне, может, это улика!

– Ага! Ну, спасибо, что не ещё один труп.

– Егор, возьми его. Только аккуратно, не затри пальцы. Давай его сюда. Так, портмоне кожаное коричневого цвета. Посмотрим, что внутри. – Он расстелил бумагу и высыпал содержимое портмоне на неё. – Внутри две купюры пяти тысячные, десять купюр по тысяче рублей, три по пятьсот и четыре по сотне. В отделении для мелочи – мелочь в размере

ста восемнадцать рублей.

– Записал? – спросил он у Егора.

– Записал, – ответил тот.

– Хорошо. Имеет три отделения. В первом две карточки банка: Сбербанк и Бинбанк. Во втором – визитки. В третьем нет ничего. В окошке фотография собаки. Больше ничего нет. Видите? – Он обернулся к нам с Глафирой. – Все правильно записали?

– Да, вроде бы всё правильно.

– Не вроде бы, а правильно. Ладно. Распишитесь вот тут обе, как понятые.

Мы расписались.

– Вы предполагаете, чьё это может быть портмоне? – спросил он.

Мы молчали.

– Ну, что молчите?

– Да сегодня Гуревич жаловался, что потерял портмоне, – неуверенно сказала Глафира.

– Гуревич? Кому жаловался, администратору?

– Да, – сказала Глафира

– Ладно. Спасибо за помощь. Егор, забирай всё и пошли в пансионат, поговорим с администратором. До свидания, дамочки. Поосторожнее с прогулками в безлюдных местах, – уходя, сказал полицейский.

Мы отправились следом. Всю дорогу обескураженно молчали и сразу разошлись по своим комнатам.

Спустившись на ужин, я ещё раз убедилась, как быстро в пансионате распространяются новости. Не успела я сесть за стол, как Агнесса, обращая ко мне, взволнованно зашептала:

– Представляете, поймали убийцу! Кто бы мог подумать, что милейший Викентий Георгиевич окажется убийцей! Он рисовал такие красивые пейзажи. А сегодня его арестовали. Говорят, нашли его портмоне на месте преступления. Он его потерял, когда душил несчастную! Какой ужас!

– Ну, нашли, и, слава богу, спокойнее будет отдыхать, – проворчал её муж, – а то мы уже уезжать собирались.

– А я догадывалась, что это может быть он, – сказала Глафира, поджав губы. – Он же был женоненавистником! Как он оскорбил меня, когда я просто хотела с ним познакомиться. Только такой злой человек и может быть убийцей женщин.

После ужина все разошлись отдыхать. Я подошла к администратору.

– Вы не в курсе, как проходит расследование? Говорят, уже нашли убийцу? – спросила я Маргариту.

Она отложила журнал и наклонилась ко мне. – Ой, сколько страху мы все натерпелись, правда? – было видно, что ей скучно и очень хочется поболтать.

– И не говорите, это был настоящий кошмар, хорошо, что он закончился, – ответила я.

– Если бы! – шёпотом отвечала Маргарита. – У меня брат работает в полиции, он мне всё рассказывает, тоже пережи-

вает за наш пансионат. Ведь если убийцу не найдут, то о пансионате пойдёт дурная слава, и его могут закрыть. А с работой у нас тут сложно. Так вот, брат рассказывал, сначала была версия, что это кто-то вообще посторонний, как они его называют, убийца – гастролёр. Так думали потому, что там, где убили девушку, нашли билет на проходящий поезд, который у нас останавливается всего на пять минут. Даже дело хотели закрывать, так как не было других улик. А теперь вот нашли улику на нашего постояльца Гуревича. Вот ужас! Лучше бы это был гастролёр, – горестно вздохнула она. – Но знаете, я не верю, чтобы это Гуревич. Такой почтенный человек. Седой. Всегда с мольбертом. Вежливый такой. Может, он случайно его там обронил? Но зачем его туда понесло? Странное это дело, скажу я вам!

– Это точно, странное. И что ему вдруг взбрело девушку убить? – кивнула я.

Я поднялась к себе. Взялась за книгу, но чтение не шло на ум. Мне всё представлялся седой художник, пока я не заснула.

Два дня прошло без происшествий. Мы с Глафирой, как всегда, были на пляже, когда увидели знакомых полицейских, направляющихся к нам.

– Здравствуйте, – сказал пожилой, подойдя к нам. – Глафира Гавриловна, можно вас на минуточку, – сказал он, подавая ей руку и помогая подняться.

– Что такое? – спросила Глафира вставая.

– Гражданка Грацкая, вы арестованы по подозрению в убийстве. – Наручники щёлкнули на её руках.

– Как? – воскликнула Глафира. – Вы с ума сошли? Я никого не убивала! Это невозможно!

Я растерянно поднялась:

– Этого не может быть, – пролепетала я. От волнения у меня пропал голос.

– Очень даже может, – возразил полицейский. – Вчера в полицию обратился очевидец происшествия – владелец яхты, который во время убийства проходил на яхте вдоль берега, как раз напротив места преступления. Он видел в бухте двух женщин, а не мужчину.

– Это невозможно! Меня там не было! Он не мог меня там видеть! Ирочка, подтвердите. Мы всё время были с вами на пляже! У меня есть алиби!

– Да, конечно! – горячо заговорила я. – Я же была с Глафирой на пляже, она никуда не отлучалась в то время, когда происходило убийство!

– Разберёмся, – ответил полицейский, – с яхты лиц не было видно, но то, что это были женщины, чётко можно было определить по силуэтам и развевающейся одежде. И кроме того, на внутренней стороне портмоне нашли ваши отпечатки, гражданка Грацкая! Зачем вы подбросили портмоне на место убийства? Хотели скрыть настоящего убийцу? Вы пособничали или убили девушку? До выяснения всех обстоятельств вы арестованы. Пройдёмте в машину.

Глафиру увели. Я в остолбенении смотрела ей вслед, а в ушах всё звучал её голос:

– Да я подбросила это дурацкое портмоне, потому что хотела отомстить! Он оскорбил меня. Посмеялся при всех! Я никого не убивала!

«Боже мой, Глафира, как же так. Кто бы мог подумать. Подкинула портмоне. Мне она совсем не казалась злобной и мстительной», – думала я. У меня опять ужасно разболелась голова.

Через несколько дней Глафиру отпустили, и она уехала из пансионата, так быстро, что я её больше и не увидела. Отпуск подходил к концу. Я ещё подходила пару раз на ресепшен к Маргарите узнать, не нашли ли убийцу, но так ничего не выяснила. «Наверное, не нашли», – подумала я.

Настал день моего отъезда из пансионата. Поезд уносил меня в Москву.

– Наконец, всё позади, – облегчённо вздохнула я.

Забросила чемодан под нижнюю полку и села. Дорога отсчитывала километры стуком колёс. Вот и всё. Я вдруг вспомнила перекошенное смехом лицо Галины. Она тыкала мне в лицо фотографии, на которых они с моим Андреем... Она совала мне в лицо изменой моего любимого, и издевательски смеялась. Я не помню, что больше всего меня поразило, измена мужа или её бесстыжий смех. Я помню только, как мне ужасно захотелось стереть этот смех, стереть его с её лица навсегда! Я ясно представила, как в бешенстве сорвала

с себя шарф и накинула ей на шею. Я тянула изо всех сил, на что была способна, но видела, как улыбка её становилась всё шире и шире.

– Ты замолчишь, ты замолчишь, – тряслась я в бешенстве, напрягая все свои силы, а она всё билась и билась, заходясь в смехе.

Потом затихла. Я опомнилась. Взглянула и опешила. Вместо улыбки оскал ужаса был на её лице. Я отпрянула. Ужас тупой болью отозвался в висках. Я бросилась бежать. Вернулась я через несколько часов. Да, Галя действительно была мертва.

«Так тебе и надо, зараза», – подумала я.

Осмотрела всё вокруг, нет ли чего, чтобы меня выдало. Шарф! На нём могут быть мои отпечатки. Я осторожно, словно боясь её разбудить, стянула его с её шеи. Подобрала клочки фотографий. На другой день я съездила в город и, озираясь вокруг, прикрываясь летним зонтиком, чтобы никто не заметил, достала из мусорного ведра на вокзале первый попавшийся использованный билет. Мне повезло. Это был утренний билет того дня, когда я свела счёты с Галиной. Я была в лёгких летних перчатках, следы на нём остаться не должны были.

«Всё хорошо, – трясясь, успокаивала я себя, – всё хорошо. Отнесу его и брошу рядом с Галей. Пусть подумают, что кто-то приезжий это сделал. Только бы её не обнаружили раньше. Только бы её не обнаружили раньше...».

Воспоминания прервала сильная головная боль. Я тихо-нечко застонала. Вытащила из сумочки цитрамон и приняла две таблетки.

«Ничего, сейчас пройдёт, это просто стресс».

Поезд мчал меня к Андрею.

«Зато мы вместе. Мы всегда будем вместе, и ни одна сволочь не отнимет у меня моего Андрея!» – думала я.

Поезд медленно подходил к Москве. Андрея я увидела сразу. Он стоял на перроне почти у самого вагона, держа в руках мои любимые цветы – астры, и улыбался.

– Здравствуй, родная, – сказал он, целуя меня. – Я соскучился.

– Здравствуй, – ответила я.

Я посмотрела на Андрея. Всё то же лицо, улыбка, но я ничего не почувствовала. Он был рядом, только руку протяни, а мне почему-то казалось, что он очень далеко, как будто я смотрю на него в перевёрнутый бинокль. В груди заняла пустота.

– Что-то случилось? – забеспокоился Андрей. – Ты как-то странно смотришь. Ты не заболела?

– Да нет, всё в порядке. Просто устала. Поехали домой.

– Ириш, ты езжай, а мне на работу надо. Прости, срочная работа. Я там приготовил, поешь и отдыхай с дороги. Я к шести буду.

– Ничего. Давай. До вечера, – ответила я.

Он поцеловал меня в щёку, он ушёл.

Домой идти не хотелось.

«Ну, не слоняться же по улицам с чемоданом и астрами», – подумала я и пошла к метро.

Дома всё было так же. Только тоска, казалось, выглядывала из всех углов.

Через два месяца мы развелись, и я погрузилась в пустоту. Мне не хотелось ничего. Я плохо различала, какое было время года, утро было или вечер. Впрочем, мне это было совсем неинтересно. Осталась только всепоглощающая пустота и одиночество. И мне было хорошо в нём. Когда я немногo приходила в себя, я, пытаюсь её заполнить, рисовала.

Должно быть, у меня получались странные картины. Наверное, от них веяло тоской и одиночеством, потому что люди шарахались, когда я их продавала на Арбате. Правда, изредка кто-то покупал у меня одну, другую картину, и даже за очень неплохие деньги. Но это такая ерунда. Главное, что мне не надо было искать себе работу, и я могла полностью отдаться моей пустоте.

***

Прошёл год. Я шла по берегу моря. Песок и мелкие камешки попадали в туфли, и идти было неудобно. Я сняла их и пошла босиком. Море сегодня волновалось. Его волны не тёрлись о ноги ласковой кошкой, а отталкивали, как будто прогоняли. Дойдя до той бухточки, я осмотрелась. Тихо. Заброшено. Тоскливо. Одиночество сдавило виски и тупой болью отозвалось в голове. Я села у самой воды, обхватив ко-

лени руками, и посмотрела вдаль. Сизое море переходило в серое небо, мгла окутала меня, и я тонула в ней задыхаясь.

Она подошла неслышно. Села рядом, тоже обхватив руками колени. Я знала, что это она, даже не взглянув.

– Зачем ты это сделала, Галя? Ты же знала, что мы были счастливы с Андреем, мы любили друг друга!

– И я любила его, Ир, хотела, чтобы он был со мной.

– Прости меня, Галь.

– И ты прости меня, – эхом отозвалась она.

Мы долго сидели рядом. У меня сильно заболела голова.

«Что я тут делаю? – пронеслось в мыслях. – Я с ума сошла!» – вокруг было пустынно, и только шум прибоя нарушал молчание. Прибой укачивал, успокаивал, хотелось вот так сидеть вечность и слушать его.

– Хорошо здесь, – сказала Галя. – Я часто прихожу сюда и смотрю на море. А ты что приехала? Тебе тоже одиноко?

– Одиноко. А здесь и правда, хорошо. Душа отдыхает.

– Да. Это ты верно сказала. А знаешь, как здорово слиться с волной! Я часто захожу в море и растворяюсь в нём, становлюсь огромной, как само море. Вмещаю в себя всё-всё, весь мир, и мне уже не одиноко. Пойдём, я покажу тебе.

Она взяла меня за руку и повела в море. Вода тихо принимала нас. Я шла, и море постепенно наполняло меня, заполняя пустоту. Из-за туч показалось солнце, и мне показалось, что всё вокруг засияло. Мне стало тепло и хорошо. Я засмеялась. А Галя шла всё вперёд и вперёд, увлекая меня

за собой. Вода уже почти накрыла нас, когда она обернулась, и я увидела её сияющие глаза. В них было солнце.

– Иришка, здорово как, правда?

Мы стояли в переливающимся солнце, которое тёплыми волнами почти сомкнулось над нами, готовое растворить нас в себе. Галя вдруг отпустила мою руку.

– Мне пора, – сказала она. – Прощай. Не мучь себя, я прощаю тебя. Мне хорошо тут. Я счастлива. Ты возвращайся. Ты живая.

– Куда возвращаться? – не поняла я. – Я же солнце. Я море. Мне хорошо! Я не хочу никуда уходить. Галя, я с тобой. Галя, ты где?! – в отчаянии позвала я.

Холодная волна с силой ударила меня в лицо раз, другой. Задохнувшись от брызг, я пришла в себя и повернула к берегу. Поднялась довольно высокая волна, которая не давала выбраться на берег. Волны то подхватывали и несли к берегу, то, уже почти у самого берега, откидывались назад и тащили за собой в море. С трудом выбравшись на берег, я упала на песок. Отдышалась, встала и пошла по кромке моря.

Я шла, плакала и улыбалась:

«Она меня простила, она меня простила!» – стучала в голове одна мысль.

Как живительные капли воды, попавшие на иссохшую землю, оживляют её, так и эта простая мысль, попавшая на иссохшую пустотой и одиночеством душу, оживляла её, даря покой.

«Она простила меня. Я прощаю себя. Я могу жить».

Через час я сидела в отделении полиции и ждала пожилого полицейского, который год назад вёл расследование смерти на пляже...

Отчаяние (2018 г.)

Я сегодня пьяна, как хмельная луна, что резвится в ночи облаками.

Я сегодня одна, как зимою тоска, что стучится ко мне вечерами.

Я сегодня в бреду, как больной на снегу, распласталась в объятиях ночи.

Я сегодня не жду ни тебя, ни звонка и ничто мне сейчас не поможет.

Я сегодня грешна, как простая душа, что отвергла терпенье и веру.

Я сегодня ушла, как сгорела свеча, в тень судьбы моей не путевой.

Я сегодня усну, чтоб забыть обо всём, и быть может, воскреснуть, как феникс.

Раздумья о человеке (2017 г.)

Однажды, путешествуя по Италии, я остановилась в маленьком городке. Мне понравились его улочки с разноцветными домиками, утопающими в зелени садов. Погода располагала к прогулке, и я сняла номер в небольшой гостинице, чтобы отдохнуть и осмотреть окрестности.

После довольно вкусного и сытного обеда в ресторанчике при гостинице, я наняла провожатого для прогулки и отправилась на экскурсию. Вскоре городок отступил, и нам открылся великолепный вид – повсюду расстилались невысокие холмы, укутанные зелёной пушистой шалью лесов. Тонкие извилистые тропинки разбегались между холмами, зовя за собой.

Мой провожатый уверенно пошёл по одной из них. Я последовала за ним. За каждым поворотом открывалось что-то новое: то голубое озерцо пряталось между деревьями, то поляна с высоким разнотравьем посреди леса. Обойдя очередной холм, я взглянула на открывшийся пейзаж и замерла. Никогда не видела такой загадочной монументальной красоты разрушений: далеко внизу лежали руины какого-то огромного готического здания. Полуразрушенные стены, фрагменты колонн и арок, казалось, рвались вверх из крепких объятий леса, который опутывал их. И тут же, прижавшись к развалинам, ютился маленький домик.

– Что это за руины? – воскликнула я.

– Это всё, что осталось от некогда процветающего аббатства, – ответил провожатый. – О его гибели существует легенда. Если хотите, я могу рассказать.

– Да, расскажите, пожалуйста, – попросила я.

И он начал рассказ.

– Это было давно. Так давно, что никто из местных не помнит, когда было построено это аббатство. Так давно, что уже лес вырос на его развалинах. Молва говорит, что дело было так. Однажды поспорили Бог и дьявол о природе человеческой.

– Я создал прекрасное существо – человека. Человек – добрый, великодушный, честный, разумный! Познавать великие тайны бытия, создавать великие произведения искусства, любить может только человек! Человек – лучшее существо на Земле, – утверждал Бог.

Дьявол, усмехаясь, отвечал: – Ну, конечно, лучшее существо – человек! Только человек может быть предателем, вором, скрягой, фанатиком, уничтожающим любую живую мысль, убийцей и садистом! Ненавидеть и уничтожать всё вокруг себя может только человек! Человек – худшее существо на Земле.

– Ты не прав, дьявол, человека делают таким обстоятельства и духовная неразвитость. Если человек духовно развит, он никогда не опустится до подобного.

– Да, ладно, Бог, – засмеялся дьявол. – Пороки заложены

ны в сущности человека, и при первой же возможности они проявляются. Человек – самое несовершенное существо на Земле, которое ты сотворил, признайся!

– Я могу доказать тебе, дьявол, что ты неправ! – воскликнул Бог.

– Доказать? – спросил дьявол – Интересно, как? Ну, докажи.

– Хорошо! Вот сейчас мы испытаем духовного человека и проверим силу его духа.

– Хм... и кому же ты пошлешь испытания?

Они прислушались. Вокруг тишина. Вдруг вдалеке они уловили чуть слышные звуки органа и стройное пение мужского хора.

Дьявол поморщился. Бог улыбнулся:

– Вот, – сказал он. – Слышишь? Поют в аббатстве. Это святое место. Вот я и испытаю силу духа монахов. Пойдём-ка, посмотрим, что там сейчас происходит.

Они, как два крыла невидимой птицы, спустились с небес и очутились в аббатстве.

Сегодня здесь отпевали епископа. Пятьдесят лет он возглавлял этот монастырь. И хотя монастырь существовал уже не одно столетие, при нём он достиг пика своего расцвета.

Все работы, кроме самых насущных, были прекращены, люди прощались с епископом.

– Печальное зрелище, – сказал Бог, – но он был хорошим человеком и духовным наставником. Душа его найдёт до-

стойное место в высших мирах.

– Хм, ну вот и славненько, – потёр руки дьявол, – одним святошей на Земле меньше. Слушай, Бог, а давай пошлём им в испытание нового епископа, который будет, не столь праведен, как прежний? Хотел бы я посмотреть, что с ними станет!

– Ничего с ними не станет. Ничто не может уничтожить духовное начало в человеке! – ответил Бог.

– А вот мы и посмотрим!

– Ну, хорошо. Пошли.

И через секунду они оказались в огромном зале. В нём проходило заседание высшего духовенства.

– Братья, мы должны решить вопрос о назначении нового епископа в аббатство на смену оставившего нас. Предлагается кандидатура Михаэля. Это достойный святой отец, прославившийся великими духовными делами. Есть другие предложения?

– Нет, нет, других предложений нет, – откликнулись из зала. – Это достойнейший епископ!

Демон щёлкнул пальцами... и вдруг послышался голос:

– А я предлагаю отца Юлия! И хотя он совсем недавно у нас, но показал себя очень доброжелательным и мягким человеком, который со всеми может найти общий язык. Это исключит возможные ссоры среди монахов в такое непростое для них время!

В зале всё стихло. Через несколько секунд послышался

сначала едва слышный, затем всё усиливающийся гул голосов.

– Да, отец Юлий, похоже, лучший вариант.

– Выберем отца Юлия.

– Как мы раньше не подумали о нём! Он лучше всех подходит на эту должность.

Несколько голосов, которые продолжали поддерживать кандидатуру Михаэля, потонули в общем шуме.

Председательствующий растерянно молчал.

– Хорошо, – наконец, сказал он. – Будем голосовать!

Голосование прошло быстро. Большинством голосов был избран епископом в аббатство отец Юлий. Его кандидатуру направили Папе на утверждение.

– Вот это называется, бес попутал, – смеялся дьявол.

Бог, нахмурившись, наблюдал.

Новый епископ прибыл в аббатство через два дня в ясное, солнечное утро. Поражённый величием стен монастыря, вошёл в ворота. Он шёл, опираясь на посох, по мощёной площади – монах небольшого роста, кругленький, с большой лысиной и мягкой улыбкой. Маленькие глазки его внимательно осматривали всё вокруг, и, казалось, что ничто не может укрыться от них.

Первое собрание в аббатстве новый епископ провёл в тот же день.

– Приветствую вас, братья! Я рад, что буду нести службу Господу нашему вместе с вами! Меня поразило великолепие

аббатства и то разнообразие наук и искусств, которым вы посвящаете своё время. Да будут благословенные дела ваши! Однако, братья! Меня также поразила скудость вашего стола и одежды! Такие достойные монахи вправе питаться и носить одежды, которые соответствует их высокой нравственности. И посему, я предлагаю несколько сократить занятия науками и искусством, и часть времени направить на мирские дела. Думаю, нам нужно построить пивоварню и продавать пиво местному населению, что существенно повысит доход аббатства, а значит, обеспечит более достойное питание и одежду всем членам братства!

Стало очень тихо. Вдруг раздался чей-то растерянный голос:

– Как же так? Ведь мы хотели сделать пристройку к библиотеке и расширить зал иконописи? Почему пивоварню?

Ему откликнулся другой голос:

– А по мне, так здравая мысль, про пивоварню-то. Никому не запрещена достойная жизнь при попечении души.

Постепенно возникающий гул становился сильнее. Появились даже спорящие: одни встали на сторону нового епископа, другие говорили о необходимости духовных занятий и об удовлетворении только минимальных потребностей, что приветствуется в монастырской жизни.

– Братья! Не спорьте! – с мягкой улыбкой обратился к присутствующим отец Юлий.

– Я не хочу вводить что-то новое против вашей воли!

Пусть те, кто считает возможным, больше времени посвя-
тить физическому труду, займутся этим, а остальные пусть
занимаются тем, чем и прежде! Собрание закончено. Прошу
разойтись по своим делам. Оставайтесь только те, кто согла-
сен уделить чуть больше времени мирским делам.

***

– Вот так всё и началось, – вздохнул мой рассказчик.

Он помолчал, задумчиво глядя на развалины.

– Неужели такое незначительное разногласие привело к
гибели аббатства! – удивилась я.

– Незначительное? Не скажите. Епископ разделил людей.
Слаб человек. Даже когда он добровольно вступает на путь
монашества, человеческие слабости ему не чужды, и не у
всех хватает сил их победить. Ну, слушайте дальше.

Как говорят, разделивши монахов, епископ разделил и их
материальное содержание. Он считал справедливым, что ес-
ли монах приносит больше дохода аббатству: варит и прода-
ёт пиво в округе, занимается другим трудом – то он в боль-
шей степени, чем другие, имеет права на этот доход. Боль-
ше заработал – лучше питаешься, добротнее и теплее одева-
ешься.

Получилось так, что работники в монастыре ходили в луч-
ших одеждах, ели сытно и даже пили вино по праздникам,
чем те монахи, которые занимались духовной работой: испо-
ведовали, писали иконы, переписывали книги, несли службу
в храме – и не приносили дохода.

В аббатстве появились отдельные столы с различными блюдами, различные по качеству одежды...

Зависть и обида – плохие советчики, начались ссоры и дразги среди монахов.

И однажды в шуме очередной ссоры завязалась драка. Накопившаяся многомесячная обида вырвалась наружу, снеся всё на своём пути. Гвалт, крики, ругань и вдруг ужасный мужской вопль огласил монастырь. Все оцепенели. В мёртвой тишине было слышно, как бьётся муха в стекло окна...

Люди попятились к стенам. В центре зала на полу, неестественно вывернув голову, лежал мёртвый мужчина. Над ним стоял монах с искажённым от бешенства лицом и сжатыми кулаками.

Далёкий дьявольский хохот не слышали люди, с ужасом смотря на труп.

Послышался крик, он нарастал, нарастал и уже, казалось, от ужаса кричали стены аббатства – так кричали, обезумев от страха, люди. Этот крик отрезвил убийцу. Он недоумённо смотрел на лежащего, испуг охватил и его. Лицо его стало мертвенно-белым. Схватившись за голову, он в отчаянии бросился бежать. И все кинулись врассыпную. Только два монаха остались на месте. Они медленно подошли к погибшему брату и встали на колени. Всю ночь молились около него, прося простить их, а едва различимый лик Бога печально смотрел на них.

***

– Вот такие дела, – вздохнул рассказчик. – Так был покинут монастырь. Говорят, что утром епископ, убегая, чтобы скрыть следы преступления, взорвал пивоварню. Она находилась как раз рядом с тем зданием, где убили монаха. Оно тоже пострадало от взрыва, камнями засыпало весь зал, едва не убило и тех двоих, что читали над убитым отходную. Но они выжили. Вон видите маленький домик? Это они построили. Не захотели уходить. Монахи уже состарились здесь, и ходят слухи, что в их домике собраны сокровища! Они всю жизнь по крупицам собирали из-под обломков уцелевшие рукописи, иконы и восстанавливали всё, что можно было восстановить. А с позапрошлого года они открыли тут воскресную школу. Посмотрите, там, у дороги сидят двое. Это они. Наверное, ждут своих учеников.

Я с грустью смотрела на две согнутые временем спины и белые как лунь головы старцев.

– Вот и получается, что выиграл дьявол? – горестно спросил провожатый. – А может, и не выиграл. Ведь если бы все отвернулись от духовных дел, то и не было бы ссор и обид. И не было бы этих двух монахов, которые, не смотря, ни на что, собирают по крупицам реликвии и передают их ученикам.

– Но разве духовный человек будет ссориться из-за материального, если он живёт в духовном?

– Э-э-э, в духовном может жить только дух, а не живой человек, – махнул рукой мой провожатый.

***

Долго в моей голове ещё звучал его рассказ, и странные вопросы не давали мне покоя.

Так что есть человек – совершенство мира, его венец, его надежда или все самое подлое и низкое, что есть на свете?

Как может человек вмещать в себя несовместимое?

Если бы человек воплощал в себе всё самое лучшее, он не был бы человеком, а был ангелом; а если бы самое худшее, он не был бы человеком, а был дьяволом.

Быть может, человек, это и есть та самая птица, у которой два крыла – крыло Бог и крыло Дьявол. Не научившись ещё хорошо летать, птица заваливается то на одно, то на другое крыло, падает и бьётся в бессилии? И как птица, овладевшая полётом, летит свободно и легко, и становится настоящей птицей, так и человек, подчинив своих Дьяволов и погнав своих Богов, будет истинно свободным, станет по-настоящему Человеком?

Что будет с Человеком, когда он станет истинно свободным? Куда направит он свой путь? Что захочет сотворить? Только ему одному, это известно...

О Любви (2018 г)

Алёнка бежит по тропинке в поле среди высоких трав, перевитых луговым разноцветьем. Солнце слепит её глаза, ароматы цветов пьянят. Она босая, чуть запрокинув высоко поднятую голову и раскинув руки, бросается грудью в ветер.

Коса Алёнки бьёт по плечам и по спине светлым крылом. Она бежит всё быстрее и быстрее, и ей кажется, что ещё немного, и она взлетит над землёй. Вот-вот сейчас! Ещё чуть-чуть! Но подол платья бьёт по ногам, заставляя сознание цепляться за реальность и не отпуская ввысь. Наконец, засмеявшись, с колотившимся сердцем, она переходит на шаг.

Алёнка счастлива. Сейчас она увидит своего Ваньку. Вон там, слева чуть впереди у самой реки у них назначено свидание. Она и сама не заметила, как их детская дружба переросла во что-то большее. И может, ещё долго не замечала, если бы не Иван, который вчера признался ей в любви, и не его губы, открывшие её вздрогнувшему сердцу истину. Так бы и считала Алёнка его лучшим другом, с которым ей всегда легко и весело, и с кем она делилась самыми сокровенными мечтами.

Ещё высоко с берега она видит его, стоящего под раkitой почти у самой реки. Легко сбегая, Алёнка окликает его и махает рукой.

Иван оборачивается и замирает, поражённый красотой девушки. Стройный стан её в ореоле светлых волос, кажется ему воздушно-неземным, и в то же время таким родным, что щемит сердце.

Они бросаются навстречу друг другу.

– Здравствуй, – выдыхает Алёнка

– Здравствуй, – улыбается ей Иван.

– Я скучала по тебе.

– Я тоже, – Иван вдыхает аромат её волос.

Нацеловавшись, они идут по берегу реки, взявшись за руки.

День клонится к вечеру. Тени становятся длиннее, от реки веет прохладой.

– Вот и лето заканчивается, – Алёнка крутит в пальцах сорванную травинку. – Завтра я уезжаю. Когда мы теперь увидимся?

– Мы будем постоянно видеться, скайп никто не отменял – улыбается Иван.

– Ну да... но это не то.

– Может, я смогу выбраться к тебе в выходные или ты приедешь на каникулы. А на следующее лето уж точно! Вот закончишь учёбу и переедешь ко мне. Мы поженимся. Приедешь? Выйдешь за меня?

– Торжественно клянусь – смеётся Алёнка.

– Алёна, я серьёзно. – Иван останавливается и серьёзно смотрит на девушку. – Алё..., – но Алёнка не даёт ему дого-

ворить целуя.

Алёнка прижимается к Ваньке. Их руки обхватывают друг друга, их сердца, как одно бешено колотящееся сердце.

Единое Сердце вспыхивает, не выдержав переполнившую его Любовь, и охватывает сиянием двух человек, ставшими единым.

Любовь золотым столпом рождённой энергии, устремляется вверх, далеко в космос, где в этот миг загорается новая Звезда.

Быть может, Звёзды зажигает Любовь?

Энергия Любви Единого Сердца подхватывает их тела. Затрепетав, Иван берёт Алёнку на руки и бережно положил на Землю.

Луговое соцветье смыкается над ними, как смыкаются их губы и их тела, задрожав в сладкой неге. Новый, ещё более мощный всплеск энергии озаряет Вселенную: так рождается Душа ещё не рождённого Человека.

Они ещё не знают о ней, но Алёнка верит, что обязательно выйдет за Ивана и подарит ему сына или дочку, и всё у них будет хорошо.

Потом они долго гуляют, всё оттягивая время расставания, пока звёзды не начинают бледнеть на востоке, уступая месту первым отблескам просыпающегося солнца.

Только с первыми лучами солнца голова девушки касается подушки. Алёнка улыбается во сне. Ей снится её Ванька и незнакомая далёкая звезда.

Исполняющая мечты (2018 г)

Глава школы подготовки кураторов Земли Антоний раздражённо постукивал кончиками пальцев по столу. Его седая шевелюра, касавшаяся плеч, время от времени вздрагивала, когда он хмуро бросал взгляд на докладчика и недовольно качал головой.

Докладчик – Орбий Сохринов – заведующий отделением адаптации, невысокого роста, с коротко подстриженными рыжими волосами, рябым лицом и вкрадчивыми движениями, подводил итоги учебного года.

Пятьсот семьдесят девятый выпуск проходил стандартно успешно, за исключением одного из ряда вон выходящего события: лучшей выпускнице школы – Анастасии Гвиндоровой по психологическим параметрам не могла быть присвоена квалификация куратора Земли.

– Да что не так-то, Орбий! Ты конкретно говори, – не выдержав, прервал Сохринова Антоний.

– Хорошо. Конкретно. Гвиндорова не способна адаптироваться к жизни на Земле из-за полного непонимания людей. Она видит мир землян в приукрашенном виде, совершенно далёком от реальности. Абсолютное непонимание мотивов человеческого поведения, их желаний и стремлений. Как она сможет работать в среде, которую идеализирует? Я категорически против присвоения ей звания куратора. Пусть остаёт-

ся дома, на Глории[i]. Здесь её мечтания о всеобщей любви и братстве как раз найдут благодатную почву для деятельности. У меня всё, – Сохринов опустил в кресло.

– Так. Так. Так, – произнёс Антоний в гнетущей тишине. – Кто ещё хочет высказаться?

Поднялся Аркес – пожилой тучный Учитель, наставник курса, который заканчивала Анастасия. Он откашлялся и сказал:

– Анастасия – лучшая ученица выпуска! Умница. Она наделена редкими способностями, но главное, это её дар любящей и доброй души. И я не понимаю, – Аркес повернулся к заведующему отделом адаптации, – почему уважаемого Орбия пугают подобные качества.

– Да потому что они гипертрофированные, неестественные и могут принести на Земле только зло.

– Любовь и доброта не может принести зло! – воскликнул Аркес. – Когда это было видано, чтобы они приносили зло?

– Да сколько угодно! – Орбий вскочил с места. – Вы, уважаемый, забыли земную мудрость о том, что благими намерениями вымощена дорога в ад? Аркес, вы преподаёте искусство магии и волшебства, и потому привыкли чётко делить мир на добро и на зло, я вас понимаю. Но на Земле нет такой чёткой градации. Там всё перемешано, там добро может быть злым, а зло нести добро.

– Да не может быть такого, чтобы добро было злым, а зло несло добро, Орбий, не может!

– Да не может! Но только не на Земле. Поэтому я и говорю, что девушка с чёткими понятиями добра и зла не сможет адекватно выполнять свои обязанности куратора на планете, где эти понятия стёрты.

– Ну, это вы, батенька, загнули, – Антоний недовольно посмотрел на Орбия. – На Земле стёрты понятия добра и зла? Куда же тогда наши кураторы смотрят? Почти шестьсот лет кураторства, и таков результат?

– Кураторы не вправе навязывать свою волю или подчинять чужую, а вообще это вопрос к Центру Кураторов. Мы только школа, – пробормотал Орбий.

– Хороших же мы кураторов готовим, если таков результат, – покачал головой Антоний.

На несколько минут воцарилась тишина.

– Ну, какое примем решение? – Антоний обвёл присутствующих взглядом.

***

Настя стояла у берёзы. Она обняла её ствол и прижалась к нему щекой. Девушка любила это светлое дерево, которое каждую весну рождало тысячи зелёных сердечек. Не сказать чтобы Настя была красивой, но большие ясные серо-зелёные глаза, маленький чуть вздёрнутый нос и ещё по-детски пухлые губы вызывали к ней симпатию. Лицо отражало сердечную доброту, а искренность эмоций, которая на нём читалась, довершали милый образ. Её светло-русые волосы лёгкой волной ниспадали по плечам и спине, спускаясь ниже

поясницы. Настя плакала, всхлипывала и шмыгала носом, и слёзы капали на белую в тёмных крапинках кору дерева. Наконец, немного успокоилась, оторвалась от берёзы и присела на корточки, прижавшись спиной к дереву, обхватила колени руками и спрятала в них лицо. Ей было холодно и неудобно, несмотря на жаркий весенний день.

«Всё напрасно, – думала она, – Орбий не допустит меня к кураторству. И за что только он меня так невзлюбил?». Она вспоминала, как в детстве долгими зимними вечерами мама рассказывала ей земные сказки. Ей уже тогда очень хотелось попасть в сказку, чтобы подобно Василисе Премудрой, помогать людям и бороться со злом. Неслучайно выбор её пал на школу кураторов Земли. Но Орбий! С первых дней он её преследовал. «Даже улыбка моя ему не нравится, и что он ко мне привязался?» – Настя вздохнула.

– Ну что, сидишь? – сзади незаметно подошёл её сокурсник Фотий.

Настя вздрогнула от неожиданности:

– Сижу.

– Хе, ну сиди, сиди, – засмеялся он, присаживаясь рядом

– Ты что, ревёшь, что ли? – наклонился к ней.

– Вот ещё! – Настя отвернулась.

– Ты это брось. Всё будет как надо. Ну, если и не полетишь на Землю, то что? Конец света, что ли? Вокруг и без Земли полно интересных мест. А с твоим аттестатом можно куда угодно.

– Да не нужно мне куда угодно! Как ты не понимаешь, – Настя обиженно засопела.

– Ну ладно, не нужно и не нужно. Чего ты? Ещё же ничего не известно. Совет не закончился. И Аркес за тебя.

– Ты сам как? Определился, когда вылетаешь?

– Через месяц.

– В Японию?

– Ага. Местному куратору нужен напарник.

– Поздравляю, ты всегда увлекался восточной философией.

– Да не хандри ты. Мы ещё там с тобой увидимся сто раз, вот увидишь.

Недалеко от них воздух вдруг сгустился в небольшое пульсирующее облачко размером с блюдце. В нём чётко проглядывались буквы: «Настя, немедленно зайди ко мне в кабинет. Аркес».

Девушка дотронулась до облачка пальцем, и оно распалось.

– Надо идти, Аркес вызывает. Наверное, совет закончился.

Она вскочила.

– Ну, я пошла.

– Давай. Удачи тебе.

– Спасибо! – уже на бегу ответила Настя.

Аркес ждал её в кабинете, в волнении меряя комнату шагами.

Он обернулся на стук двери и увидел её, запыхавшуюся, с пылающими щеками и заплаканными глазами.

– Что ты носишься, как маленькая, – недовольно проворчал Учитель. – Ты всё-таки будущий куратор!

– Куратор! – Настя радостно взвизгнула и повисла у него на шее.

– Настя, держи себя в руках, – он оторвал её от себя, пряча улыбку.

Она шутливо чинно отстранилась и, улыбаясь стала перед ним.

– Расскажите, пожалуйста, как всё прошло, что решили?

– Решили, решили, – задумчиво ответил он.

– Не знаю, хорошо ли это для тебя или нет. В общем, ты отправляешься на Землю. Тебе даётся испытательное практическое задание. По его результатам будет принято окончательное решение о твоём кураторстве.

– Задание? Какое задание?

– Ты должна будешь доказать, что хорошо знаешь психологию людей. По твоему выбору нужно будет выполнить по одному желанию у трёх землян. Испытание будет считаться пройденным, если исполнение желания принесёт человеку счастье.

– Выполнить три заветных желания? Так просто? Вы же знаете, что у меня отличные баллы по волшебству. Тем более ограничений нет, и я могу исполнить те желания людей, которые сама захочу?

– Да, именно так. Но не радуйся раньше времени, очень сложно сделать человека счастливым, даже выполняя его желание.

– Значит, нужно выполнить самое – самое заветное, – засмеялась Настя, – когда мне отправляться и куда?

– Не торопись! Ты можешь отправляться хоть завтра. Место твоей практики – Россия. Ты не хочешь ещё раз вспомнить психологию отношений на Земле?

– Ой, да я её знаю наизусть! Сколько мне времени даётся?

– Две недели. Тебя отправят под Новый год. На Земле в это время праздник. Будешь Снегурочкой. Ты помнишь этот персонаж из сказок землян?

– Конечно!

– Хорошо. Поступишь на работу в один из офисов, проводящих праздники. В напарники Дедом Морозом выберешь себе сама кого-нибудь из местных. Только будь осмотрительна! Не кидайся с исполнением желаний сразу! Хорошенько подумай, прикинь, что реально человек получит, когда его желание исполнится. Поняла? От успешного выполнения задания будет зависеть присвоение тебе кураторства. Запомни! У тебя две недели. Ты должна исполнить три желания, чтобы в результате эти люди стали счастливы.

– Да поняла я! Поняла и запомнила, – засмеялась Настя. – Завтра день на сборы, а послезавтра я могу уже вылетать!

Учитель вздохнул. Подошёл к столу и, взяв бумаги, подошёл к Насте.

– Вот твои документы. Вот деньги. Одежду тебе подберут, зайди к Марфе. Не забудь у неё уточнить насчёт макияжа и причёски. Когда будешь готова, перед отправлением зайди ко мне. Не забудь. Я сам хочу проверить, как ты соберёшься.

– Ага! – Настя поднялась на цыпочки и поцеловала Учителя в щеку. – Спасибо вам. Я знаю, это вы меня отстояли. Спасибо!

– Ладно. Всё! Как сказали бы на Земле, что за телячьи нежности, – проворчал старый Учитель. – Беги уже.

Он с любовью смотрел вслед девочке, и сердце его беспокойно сжималось.

– Ничего, она сильная волшебница, справится.

***

Настя телепортировалась в квартире куратора России под вечер. Внешность ей не изменили: всё такая же курносая девчонка с русой косой. Осторожно приоткрыв дверь из порталной, она вышла в коридор. В квартире было темно. «Странно, – подумала она, – никого нет? Разве куратора не предупредили обо мне?». Осторожно ступая, она пошла на слабый свет в конце коридора. Пройдя до конца и повернув за угол, очутилась в большой комнате, одна стена которой была стеклянной; через неё проникали лучи закатного солнца, которые и освещали комнату и коридор. Настя с любопытством подошла к окну. Квартира располагалась невысоко над землёй, отсюда отчётливо можно было разглядеть улицу и людей, спешивших куда-то. Шёл снег. Снежинки, перели-

ваясь на солнце, неспешно падали на город. Как зачарованная, она стояла и смотрела на незнакомый, но такой угадываемый по учебникам, мир.

Внезапно зажётся свет. Она обернулась. В дверях стоял и улыбался Фёдор – здешний куратор.

– Привет, давно пришла? Извини, я задержался, не встретил тебя.

– Да нет, недавно.

– Располагайся. Голодная?

Фёдор стал вытаскивать из холодильника и расставлять на столе продукты.

– Давай в душ, умойся с дороги и к столу. Там найдёшь халатик и полотенце. Всё, что нужно. Разберёшься сама?

– Разберусь, у меня по адаптации пятёрка!

– Пятёрка – это хорошо, – засмеялся Фёдор.

Через полчаса, покрасневшая после душа, с блестящими глазами от впечатлений и горячей воды, она села к столу.

– Как тебе здесь? Ничего, что я на «ты»? – спросил Фёдор. – Тебя ведь Настей зовут?

– Да, Настей. Давай на «ты», – улыбнулась она. – Необычно, когда надо всё делать руками, и вода струйками бьёт по телу, хотя у нас были практические занятия, и всё кажется понятным.

– Вначале необычно, потом быстро привыкаешь. Как там на нашей Глории? Я давно дома не был.

– Всё по-прежнему. Ничего нового. – Она задумалась. –

Да! Позавчера в новостях объявляли, что успешно закончился эксперимент с чёрной дырой, получено подтверждение, что это вход на новый уровень космического сознания.

– Да. Интересное открытие. Я в курсе, мне приходило сообщение от наших в последнюю связь.

Ужин подходил к концу. Фёдор наевшись, откинулся на спинку стула.

– Меня ознакомили с твоим заданием, но просили вмешаться только в исключительном случае. Так что, ты всё сама.

– Угу, хорошо, – с аппетитом поедая курицу с рисом и запивая всё молоком, сказала Настя. – Вкуснятина, жалко, что этого у нас нет на Глории.

– Поосторожнее на первых порах. Не забудь про адаптационные капсулы.

– Ладно. Спасибо. Я пойду знакомиться с городом.

– Как? Сразу? Не отдохнёшь?

– А что отдыхать? Я не устала.

– Хорошо, пойдём, покажу твою одежду. Смотри не заблудись. Если что, сразу вызывай меня.

– Ага.

Настя в длинной дублёнке, в замшевых сапогах, шерстяных рукавичках и вязаной чёрной шапочке покрутилась перед зеркалом, и, крикнув Фёдору, что она уходит, сунула ключи в сумку, которую ей выдали ещё на Глории, и открыла дверь.

***

Снег повалил ещё сильнее. Солнце село, зажглись фонари и яркие огни иллюминации; девушке казалось, что она попала не в реальный мир, а в декорации искусственного, кем-то придуманного миража. Она шла не спеша, и на неё никто не обращал внимания, все спешили по своим делам, занятые предпраздничными хлопотами. Дойдя до конца улицы, она увидела большой сквер. На центральной его площадке высилась мохнатая наряженная ель. От площади в разные стороны разбегались дорожки. Настя остановилась около ели и, запрокинув голову, разглядывала её, когда почувствовала, что что-то упругое ударило её между лопаток. Резко обернувшись, готовая ко всему, она увидела мальчишек лет по десять – двенадцать. Они, хохоча, лепили снежки, готовясь к новой атаке.

– Ах так! – воскликнула она, наклоняясь и загребая снег.

Не успела распрявиться, как новый снежок прилетел ей пониже спины. Резко выпрямившись и задорно смеясь, Настя размахнулась и запустила снежком прямо в лоб мальчишке, который уже замахивался на неё третьим снежком. От неожиданности тот сел в сугроб. На секунду мальчишки оторопели, а Настя, быстро – быстро лепила новые снежки, ловко посылала их один за другим в мальчишек. Те, опомнившись, кинулись забрасывать ей в ответку.

– Ура! Вперёд! – заорали они.

Началась бешеная перестрелка, пока, наконец, все не

устали и не свалились прямо в снег, довольные и весёлые. Поболтав с мальчишками, Настя поспешила домой.

***

На другой день с утра, обзвонив несколько фирм, предлагающих услуги Деда Мороза и Снегурочки, она пошла заниматься на работу. Добралась на метро до нужной станции, а потом на маршрутке до указанной в адресе улицы. Настя долго искала нужный дом. Улочки были небольшие, но странно переплетались друг с другом: то разбегались в разные стороны, то вновь сходились, упираясь в тупики. Наконец, она увидела нужный номер дома и, войдя в арку, спустилась по ступенькам к двери, ведущей в полуподвальное помещение. Дверь оказалась запертой. Справа девушка увидела кнопку звонка и позвонила.

– Кого нужно? – раздался хриплый голос.

– Я пришла устраиваться на работу Снегурочкой. Я звонила утром.

За дверью какое-то время была тишина, потом щёлкнул замок.

– Проходите, – услышала она и толкнула дверь.

В приоткрытую дверь, оттолкнув Настю, выбежала молодая женщина с перекошенным от ярости лицом. Вслед ей раздавалось:

– Подумаешь, какие мы гордые! Костюм ей не нравится! Цвет не тот, фасончик не угодил! Кто бы говорил! Прима непризнанная! Тьфу!

Настя вошла и увидела в коридоре жгучую брюнетку с ярко нарисованным лицом, которая стояла подбоченясь.

«Наверное, это она кричала», – подумала Настя.

Женщина взглянула на Настю, поджала губы и скрылась в комнате.

Настя постояла минутку, решила и постучала в дверь, за которой скрылась женщина.

– Да, – услышала она и вошла.

Женщина сидела за столом и что-то писала.

– Чего тебе? – подняла она голову.

– Здравствуйте. Я звонила сегодня. Насчёт работы. Снегурочкой на новогодних каникулах.

– А-а-а, да! Проходи. Садись, – она указала на стул у её стола.

Настя села.

– Снегурочкой говоришь? – Женщина внимательно её разглядывала. – А сколько лет-то тебе?

– Шестнадцать.

– Шестнадцать, – протянула та, – паспорт с собой?

– С собой.

– Давай сюда.

Настя порылась в сумочке, достала паспорт и протянула его женщине.

– Так. Гвиндорова Анастасия Георгиевна. Прописка. Да, шестнадцать лет есть, – говорила она, листая документ. – Что ж ты, Анастасия Георгиевна, подработать решила на кани-

кулы?

– Ага.

– А почему в Снегурки? В театральном кружке участвовала? Стихи читать, песенки петь умеешь? Репертуар знаешь?

– Знаю. У нас в школе театральный кружок, я там играю. Стихи и песни детские знаю. В школе меня всегда Снегурочкой выбирали.

– Это хорошо. А то у нас тут запарка, как всегда перед Новым годом. Да ещё капризные все, ужас какой-то! Ты вот видела одну такую: костюм Снегурки её не устраивает. Подумаешь, цаца какая! – женщина возбуждённо поправила причёску. – Ладно. Много не заплачу! Сколько хочешь?

– Ну, не знаю... А сколько вы сможете заплатить?

– Двести пятьдесят рублей за один выезд, не больше! Костюм, транспорт – наш. Работаешь с Дедом Морозом. Устраивает?

– Устраивает.

Женщина внимательно посмотрела на неё.

– Устраивает, – проворчала она. – Отдыхала бы лучше, пока каникулы. Ладно. Иди по коридору, как выйдешь направо, предпоследняя дверь на этой стороне – отдел кадров. Ступай оформляться. Скажи, что тебя прислала Серафима Михайловна. Только смотри! Никаких отговорок потом, у нас контракты с клиентами не отменяются, хоть больной, но надо ехать и веселить. Поняла? Иначе заплатишь большую неустойку.

Настя кивнула.

– Ладно, иди подписывай договор. Завтра выходи на работу. В десять утра. Не опаздывай.

И она снова уткнулась в бумаги.

– До свидания. Не опоздаю.

В отделе кадров Настя подписала все нужные бумаги, и ей выдали удостоверение, подтверждающее, что она работает Снегурочкой в фирме «Приходи сказка».

На другой день в десять часов она уже вертелась перед зеркалом в гримёрке, примеряя наряд Снегурочки.

– Пришла, – сказала дородная Серафима Михайловна, входя в комнатку и заполняя собой почти все её пространство, – это хорошо.

Она критически посмотрела Настю и вздохнула.

– Да, наряд тот ещё. Но ничего, вон ты какая розовощёкая, и коса до попы. Оксане скажу, чтоб почистила хорошенько, и все будет хорошо, – она покрутила Настю осматривая. – Ладно. Тебе напарником будет Дима. Он Дед Мороз опытный, учится в театральном училище, если что подскажет, что надо. Он за старшего. Слушайся его. Я ему дала расписание ваших выездов. Иди в третью комнату, там у нас комната отдыха, он тебя там ждёт. Удачи тебе. Если что, звони мне. Димка тебе визитки выдаст с телефонами. Давай. Иди уже, – подтолкнула она Настю. – Нечего столбом стоять.

Настя быстро нашла комнату отдыха и вошла. За столом с чашкой в руке сидел паренёк. Рядом на стуле лежал костюм

Деда Мороза, накрытый сверху посохом. Паренёк обернулся.

– Привет. Ты Настя? – заговорил он неожиданным приятным баском.

– Привет. Настя.

– Ну, проходи, садись. Давай сразу на «ты»? Так удобнее общаться.

– Давай.

– Что будешь, чай или кофе?

– Кофе, если можно с молоком, – ответила она и села за стол.

Пока Дмитрий делал ей кофе, девушка с удивлением рассматривала его. «Ну и Дед Мороз! Худенький. Кудрявые чёрные волосы как каракулевая шапка. Носатый, как галчонок, да и лет, наверное, чуть больше, чем мне», – размышляла она. – Хорошо, хоть голос, как Иерихонская труба, на Деда Мороза похож».

– На вот, пей. Сахар на столе, сколько надо ложечек, сама себе положи.

Он внимательно рассматривал её.

– А ты ничего себе Снегурка, прям, как настоящая, – улыбнулся он.

– А ты совсем на Деда Мороза непохож.

Он засмеялся:

– Это сейчас непохож, а костюм надену – не отличишь. Вот, держи, – Дмитрий вытащил из барсетки стопочку визиток и передал Насте.

– Можешь раздавать всем знакомым. Типа реклама фирме. Так. А вот расписание на две недели, – он вытащил из кармана смятый лист бумаги, расстелил его на столе и разгладил ладонью. – Перепиши себе. Сегодня, 29 декабря. У нас пока немного, по одной – две заявки в день. Потом график будет уплотняться. До пяти выездов в день может быть. Готова поехать?

– Ага. Готова.

– Ладно. Если что появится, скажу. Тут адреса и время начала праздника. Встречаемся в офисе за два часа. Первый выход завтра. Не опаздывай. Выезжать надо заранее, а то могут быть пробки.

***

Настя закружилась в праздничной суете. С утра бежала в офис, оттуда с Димкой разъезжали по вызовам, а вечером сытая, с гудящей от непривычки головой, едва касалась подушки, сразу засыпала. Время полетело, мелькало, как снежинки во вьюжный день. Она старалась внимательно присматриваться к людям, угадать, что их беспокоит, какие сокровенные желания прячутся в глубине их душ. Но пока там, где она бывала, желания были детские и новогодние, самые обычные, для которых не требовалось её способностей.

Первый раз это случилось на четвёртый день её работы Снегурочкой. Вызов был в отдалённый спальный район, куда они с Димой добрались к шести часам вечера. Поднялись на седьмой этаж, позвонили. Им открыла молодая полнова-

тая женщина с хорошо наложенным на лицо макияжем, тщательно скрывающим её заплаканные глаза.

– Здравствуйте, Деда Мороза и Снегурочку приглашали? – спросил Дима.

– А! Здравствуйте, здравствуйте, проходите, пожалуйста, ждём вас, – заулыбалась женщина и крикнула вглубь квартиры:

– Полина, Васечка! Посмотрите, кто пришёл!

В коридор выбежали дети: девочка лет трёх и мальчик – пяти. За ними показался мужчина. Все радостно улыбались. Началась обычная суматоха: поздравления, хороводы, стихи и подарки. Дети от души веселились, их отец, похоже, тоже. А вот женщина... Настя не могла от неё отвести глаз, она чувствовала всей душой, как отчаянно тоскует эта на вид весёлая женщина. Настя не понимала, в чём причины глухой тоски и одиночества, которые исходили от хозяйки дома. В самом разгаре веселья, когда дети с папой азартно отгадывали загадки Деда Мороза и получали за правильные ответы подарки, женщина незаметно для всех вышла из комнаты. Настя последовала за ней и заглянула на кухню: она стояла у окна, и её поникшие плечи никак не вписывались в атмосферу праздника, царившего в доме.

«Что-то тут не так! Надо разузнать», – подумала Настя и вошла на кухню.

– Можно у вас водички попросить, пить очень хочется.

Женщина вздрогнула и, быстро смахнув слёзы с глаз,

обернулась.

– Да, конечно! Проходите. Вам какую: с газом или без газа? Присаживайтесь вот сюда, – она пригласила Настю за стол. – Устали, наверное, целыми днями поздравления.

– Обычную. Без газа. Да. Есть немного. Но мне нравятся праздники, и подарки я очень люблю дарить.

Настя села за стол, потихоньку пила воду и поглядывала на хозяйку.

– А у вас почему-то глаза грустные, – сказала она.

Хозяйка вскинула голову и хотела уже сказать, чтобы та не лезла не в своё дело, но встретившись с внимательным, сочувствующим и бесконечно добрым взглядом девушки, вдруг расплакалась.

– Вы понимаете, это просто уже невозможно. Нету моих сил так больше жить. А он ничего не понимает! Или делает вид, что не понимает. Я одна бьюсь из последних сил. А ему хоть бы что, сидит в своём НИИ за сущие копейки, радуется каким-то там своим результатам. А что нам до его результатов? Непонятно для чего... Все его друзья в бизнесе давно. Детей же поднимать надо. Где они учиться будут? В школе во дворе? Чему там могут научить? Как им с такими знаниями в университет поступать? Ходят чёрте в чём. А на репетиторов, где мы возьмём? Да и у меня нет элементарной шубы, а в дублёнке я уже десять лет хожу. Мы никуда не ездим отдыхать, только к его родителям на дачу в отпуск. Мне стыдно встречаться с подругами, надеть нечего. Дети у них учатся за

границей в престижных школах, отдыхают то на Мальдивах, то в Швейцарии, то ещё где. А я пригласить в гости никого не могу. У нас даже своего дома нет. Вот эта малюсенькая квартирка только. И главное – впереди такая же беспросветность. А ведь когда-то мы с мужем любили друг друга! Как мы мечтали! Он же очень талантливый, а вот заладил, что хочет заниматься наукой и не хочет продаваться в коммерцию. Глупость же! Мы живём один раз, и надо пользоваться всеми возможностями для достойной жизни. Ведь правда? – она умоляюще посмотрела на Снегурочку. – Хоть в петлю лезь...

Снегурочка смотрела на неё во все глаза.

«Странные эти люди, – думала она. – Хотя вот и моё первое желание. Но сделает ли оно её счастливой? Я точно знаю, что деньги не могут сделать счастливыми. Но в этом случае, может быть, помогут поднять детей, муж её сможет спокойно заниматься наукой, появится возможность ездить отдыхать. Похоже, он достоин. Может быть, покой и довольство в семье и есть счастье?».

– Не переживайте, – Снегурочка обняла женщину, – всё образуется! Сейчас Новый год – время, когда исполняются желания. Вдруг и вам повезёт!

– Шутите... – отмахнулась женщина.

Она тяжело вздохнула и задумалась.

– Ура! Ура! Ура! – донеслось до них из комнаты.

– Что там такое?

– Пойдёмте, посмотрим.

Когда они вошли в комнату, увидели странную картину: Дед Мороз стоял с открытым ртом, борода его была опущена на шею, мужчина и дети прыгали по комнате около телевизора и вопили:

– Ура! Ура!

– Да что случилось-то?

– Машка, ты не поверишь! Мы выиграли полмиллиарда в лотерею!

– Как?! – ответила она, опускаясь на диван.

– Помнишь, мы купили лотерейный билет? Сегодня розыгрыш, вот включили посмотреть, и пожалуйста! Мы выиграли джекпот! – лоб у мужчины покрылся капельками пота.

– Не может быть! – женщина выхватила у мужа лотерейный билет и впиалась глазами в экран телевизора, где во весь экран передавали цифры выигравшего билета.

– Ладно, пошли, Дим, видишь, тут сейчас не до нас! – Настя, улыбаясь, потянула его за руку.

Уже сев в машину, Дмитрий всё никак не мог успокоиться.

– Нет, ты представляешь! Выиграли пятьсот миллионов! Ну не бывает такого!

– Почему же не бывает, лотерея! Сам же видел.

– Видел. Если б сам не увидел, не поверил бы.

«Ну вот, одно желание есть, – думала Настя, – надеюсь,

мне зачтётся».

***

Снова замелькали обычные праздничные дни. Уже шла вторая неделя, как Настя работала Снегурочкой на Земле. Оставалось четыре дня до её возвращения домой. Сегодня случился выходной – заказчик отменил запланированный праздник. Она решила сразу не ехать домой, а погулять по городу, когда она ещё появится тут, на Земле. Настя не сняла наряд Снегурочки, и люди, шедшие навстречу, ей улыбались.

Было морозно. Снег весело искрился на солнце, которое сияло холодным огнём на безоблачном небе. Снег хрустел под ногами. Первый день после Рождества.

«Рождественские морозы», – подумала Настя. Днём народу на улице мало. Все отдыхали. Только мамы гуляли с ребятишками. Да кто-то шёл в магазин, пополнять запасы. Она шла по городу и старалась запомнить его. Ей нравилось вдыхать морозный воздух, нравилось чувствовать себя лёгкой, почти воздушной, как снежинка. Ей нравился этот город с его невысокими домами и уютными чистыми дворами; с гомонящей ребятнёй и весёлыми взрослыми. Может, просто она попала в такое время – праздники?

С интересом поглядывая по сторонам, она шла по тихой улочке. Впереди увидела автобусную остановку. Что-то царапнуло ей душу. Она не поняла, что. Пригляделась внимательнее. Остановка как остановка. Несколько человек ожи-

дали автобус. Мама с двумя малышами, наверное, ехали на ёлку. Малыши со смехом стали бегать вокруг Насти с воплями:

– Снегурочка! Снегурочка!

Она смеялась, кружась на одном месте. На скамейке сидела пожилая женщина и неодобрительно поглядывала на мужчину, который, устроившись на другом конце, потягивал из горлышка пиво.

«Не холодно же ему пить, мороз, правда, не сильный, всего градусов пять, но всё равно холодно. Брр», – думала Настя.

Подошёл автобус и забрал всех, только парень остался сидеть. Настя присела на другой конец скамейки. Мужчина допил и бросил бутылку в мусорный контейнер. Засунул руки в карманы и поёжился. Вид у него был нахохлившийся, как у птенца, выпавшего из гнезда прямо в лужу. Насте почему-то стало жаль его и захотелось поговорить.

– Здравствуйте! – сказала она.

Мужчина покосился на неё.

– Чего тебе?

– Да ничего, просто так. День сегодня хороший, солнечный.

– Что толку от твоего солнца. Холодно.

– Ага, холодновато сегодня. Вы что мрачный? Замёрзли?

– А ты кто такая? Тебе какое дело? А ну, иди отсюда! – он поднялся и сердито придвинулся к Снегурочке.

– Чего вы сердитесь? – улыбнулась она. – Я Снегурочка. Умею исполнять желания. Вот какое ваше самое заветное желание?

– Какое моё желание? – он скабрёзно усмехнулся, посмотрел ей в глаза.

Снегурочка слегка подула ему в лоб. Лицо его разгладилось.

Он улыбнулся:

– Дурочка, и так холодно, ты ещё тут дуешь.

Отвернулся.

– Снегурочка. Видел я таких снегурочек.

– А у вас что-то случилось?

– Ничего у меня не случилось! Ничего. В том то и дело, что ничего не случилось, и не случится уже. Никогда!

Настя притихла.

Он мрачно покачал головой.

– Понимаешь, я десять лет оттрубил в одной фирме, и всё на одном месте. Ну, сколько можно! Павел вон год назад пришёл, а такой юркий, гад: там подсуетится, тут начальству нашепчет, и уже начальник отдела! И это за год! А я как проклятый пашу, а всё на том же месте. Друзья надо мной смеются. Ленка и та считает меня неудачником. А поёт: «Не расстраивайся, не в должности дело, ты зарабатываешь хорошо. Вот поженимся. Сына тебе рожу». – Ну, какого сына? Что я ему передам? Какое дело? Сам чуть ли не на побегушках! Жалееет меня, – он стукнул кулаком по лавке. – А меня жа-

леть не надо! Понятно? – он зло обернулся к Снегурочке.

– Понятно, – сочувственно улыбнулась она. – А чего вас жалеть?

– Да ничего ты не понимаешь! Понятно ей!

Внезапный телефонный звонок прервал его. Он в раздражении выхватил из кармана телефон:

– Да!

– Что? Нет, не занят. Конечно, могу, завтра буду, – он встал в растерянности.

– Что-то случилось?

– Случилось? – машинально повторил он и закричал:

– Случилось! – и обернулся к Снегурочке.

Растерянность его сменилась удивлённой радостью.

– Снегурка, представляешь, меня назначили вице-президентом нашей компании. Оказывается, моя кандидатура обсуждалась уже давно. При мне обороты выросли в десять раз. На годовом собрании акционеров принято решение о моём назначении. Меня включили в совет директоров. – Мужчина обалдело смотрел на Настю. – Нет, ну ты представляешь?!

– Представляю, – улыбалась она. – Чего сидите? Идите домой, Лену обрадуйте! Отпразднуйте. Только завтра не проспите!

– Какое ни проспите! Я теперь всю ночь не усну, – мужчина вскочил и быстрыми шагами ушёл в сверкающий день.

– Фу! Ну вот вроде со вторым желанием справилась. Осталось последнее. Третье.

***

Дни практики для Снегурочки пролетели как одно мгновение. Настал её последний день на Земле. Она уже простилась с Димкой и со всеми в фирме «Приходи сказка», и теперь стояла дома у окна, как в первый день её появления здесь. Сегодня, как и тогда, шёл пушистый снег. Суетились люди. Куратор куда-то спешно убежал, наскоро простившись с ней. Насте было очень грустно, так грустно, хоть плачь. Ей не хотелось уходить. Может, потому она и не спешила с исполнением последнего желания? Но всё, надо идти. Она решила, что пойдёт на площадь и там выполнит это последнее желание. Ведь это так просто и так радостно – исполнять желания. Она надела дублёнку, свою чёрную шапочку и сапожки. Посмотрелась в зеркало. Натянула варежки и открыла дверь. В последний раз, прощаясь, взглянула на квартиру, улыбнулась и захлопнула дверь.

Она шла по городу, ставшему для неё почти родным, и мысленно прощалась с ним. Дойдя до конца улицы, она увидела знакомую площадь и мохнатую нарядную ёлку в центре неё. Приглядевшись, заметила маленькую знакомую фигурку, сидевшую на корточках под елью. Быстро слепив снежок, Настя размахнулась и запустила им в него. Фигурка не пошевелилась.

– Привет! – подбежала она. – Ты чего тут сидишь? – Она присела рядом и заглянула ему в глаза. – Ты что, плачешь?! – удивилась Настя. – Ты что? Что случилось?

– Ничего, – мальчишка сердито рукавом куртки вытер нос.

– Как это ничего! Я же вижу. Рассказывай давай, – не унималась Настя.

– Дружок у меня умирает, – глухо ответил мальчик, и, не выдержав, всхлипнул.

– Друг умирает? Вот ужас! – оторопела Настя.

– Да не друг, а щенок мой – Дружок. Он ещё маленький, ему только три месяца, а сказали, что у него чумка, и что умрёт скоро, и вылечить нельзя, – объяснил мальчик, едва сдерживая рыдания.

– Ой, как жалко, – на глазах у Насти показались слёзы. Но она, опомнившись, тряхнула головой. – Не переживай! Я слышала, что сейчас лечат от чумки. И может, это совсем и не чумка, может, ошиблись? Всякое бывает. Где сейчас щенок, давай сходим с ним ещё раз в ветлечебницу! Хочешь?

– Да нет, не надо. Сейчас с ним отец поехал в клинику, усыплять.

– Как усыплять?!

– Чтоб не мучился-я-я, – мальчик уткнулся лицом в колени, плечи его задёргались в плаче.

У Насти сжалось сердце, она гладила варежкой по его спине, и что-то ему ласково шептала успокаивая.

Внезапно раздался собачий лай. Мальчик поднял голову. Прямо к ним через площадь, смешно выкидывая лапы, нёсся щенок, далеко опередив мужчину, который почти бежал за

ним.

– Дружок! – не веря себе, мальчик плюхнулся в снег.

Тут же вскочил и кинулся к собачке.

– Дружочек, миленький! Живой! – Он подхватил собаку на руки и поцеловал в мокрый нос.

Дружок быстро – быстро лизал ему лицо, изо всех сил махая хвостом.

Тут подошёл и отец.

– Ну, хватит лизаться! Пошли домой, – сказал он, запыхавшись, и прижал мальчика к себе.

– Папа, как же так получилось? Дружок выздоровел?

– Выздоровел. Всё хорошо. Ошиблись, когда делали анализ. Просто перекормили мы нашего Дружка, вот и случилось у него расстройство желудка, – смеясь, рассказывал отец. – Велели кормить строго по часам и только собачьей едой. Вот целый список дали, что и сколько давать.

– Дай мне, – попросил мальчик, – я сам буду следить за его едой!

– Держи.

– Настя, ну мы пошли! Пока! Надо Дружка покормить, а потом гулять вывести. До встречи! – Мальчик махнул рукой и, прижав к себе щенка, поспешил за отцом.

Настя смотрела им вслед и улыбалась. Глаза её лучились радостью.

– Вот и третье желание исполнено. Как я рада, что смогла его исполнить. Какое это счастье!

Анастасия раскинула руки, подставляя лицо небу и снежинкам, и закружилась. Тихо полилась откуда-то музыка. Люди на площади стали останавливаться и прислушиваться. Их лица светлели. Разговоры стихали. А музыка радости уже заполнила всю площадь. Невозможно было просто стоять и слушать мелодию, которая стучалась в сердце. Первые парочки тихо закружились, тесно прижавшись, согревая друг друга. И вот уже вся площадь танцевала: влюблённые, знакомые и незнакомые – все, кто был на площади, кружились в танце, отдаваясь радости. Никто и не заметил, как смешная девчонка, кружившаяся в центре площади, вдруг растаяла в вихре снежинок, растворилась в музыке радости.

***

На подведение итогов практики выпускницы Анастасии Гвиндоровой собрались в том же составе, пригласили и Настю.

– Ну-с, приступим, – сказал Антоний, занимая место председателя.

Орбий поднялся.

– Отдел адаптации проанализировал результаты выполнения задания выпускницы Анастасии Гвиндоровы. Результаты, как мы и предполагали, плачевны. А именно: ею были исполнены три желания землян. Взгляните на экран. Мы спроектировали три безальтернативные пространственно-визуальные временные линии жизни, после влияния на них выпускницы Анастасии.

Первая. Временная линия жизни жены учёного Скворцова после того, как она получила богатство. Как вы можете видеть из кадров, прослеживающих её жизнь, никакого счастья это богатство не принесло. Женщина увлеклась материальной стороной жизни: наряды, круизы, светские рауты, собственный дом. Муж её – учёный Скворцов, не смог оставить свою жену, так как любил её, а потому оставил науку, чтобы больше времени проводить с женщиной. Пытался заняться бизнесом, но у него ничего не вышло. В результате он спился и умер в довольно раннем возрасте. Жена его вышла замуж за молодого человека – жиголо, который обобрал её и бросил. Детей она отправила учиться за границу, где они после учёбы и остались. Доживёт она свои дни в полном одиночестве в своём огромном доме, всеми позабытая.

Вторая. – Орбий сменил запись. – Временная линия бизнесмена Татищева, которому Гвиндорова организовала столь успешный карьерный рост. Обратите внимание, как по мере быстрого карьерного роста меняется человек. Как им отменяются все личные привязанности. Задана одна цель жизни – добиться успеха в бизнесе. Этой цели подчинено абсолютно всё. Все помыслы и чувства человека. Подобное искажение личности, естественно, привело к достижению цели. Татищев стал одним из известнейших и успешных бизнесменов не только в России, но и в мире. Как вы можете видеть, к концу жизни он возглавляет огромную бизнес-империю. Счастлив ли этот человек? Выполнила ли задание Ана-

стасия? Категорически нет. Замена человеческих чувств и человеческих отношений бизнес-целями привела к отрыву от общества. Татищев развёлся со своей женой. Он так и не родил ребёнка, так как женщинам не доверял, считал, впрочем, не всегда необоснованно, что их увлечение им сводится исключительно к вопросам карьерного роста или денежного обеспечения. Результат тот же, что и в первом случае – полное одиночество, когда смерть приносит человеку облегчение, и радость людям, его окружающим, как ни печально это констатировать.

Третий. Излечение собаки. Ну, в данном случае на временную линию жизни это событие никак не повлияло. Хотя можно отметить временную радость, которую принесло данное событие, и положительное формирование личности в аспекте доброты. У меня всё, – Орбий отключил аппарат. – Сами видите, что результаты отрицательны, поэтому я подтверждаю своё требование: отказать Анастасии Гвиндоровой в присвоении квалификации куратора Земли. Основание – абсолютное непонимание мотивов поведения землян, их желаний и стремлений. Она не понимает, что желания могут исполняться с чисто моральной, духовной точки зрения, никак не затрагивая материальную составляющую жизни. Как показывает многовековой опыт, исполнение желаний чисто материального плана ведёт только к временному удовлетворению и распаду личности, что очень далеко от понятия счастья.

Повисла гнетущая тишина.

– Анастасия Гвиндорова присутствует на разборе практики? – спросил Антоний.

Настя поднялась из дальнего угла зала. Она была бледна как смерть. Огромные глаза её казались ввалившимися. Дрожащей рукой она поправила волосы.

– Да, я здесь, – произнесла она прерывающимся голосом.

Все смотрели на неё. Ей хотелось одного, чтобы разверзлась земля, и чтобы она навсегда исчезла с глаз людей.

«Боже, какая я дура! Дура! Дура!» – только одна эта мысль билась в её голове.

– Анастасия, вы можете идти. Результат обсуждения мы вам сообщим, – понимая её состояние, мягко произнёс Антоний.

Спотыкаясь, как слепая, о кресла, она вышла.

***

– Сколько можно валяться! – Аркес щёлкнул пальцами, стена раздвинулась, открывая огромное окно.

Солнечный свет залил комнату. Анастасия, раскинув руки, лежала в лёгкой паутине, мягко, почти невесомо, поддерживающей её тело. Глаза её были закрыты.

– Настя, очнись. Хватит уже страдать!

Брови её досадливо сошлись на переносице. Ей не хотелось вставать, не хотелось никого видеть, даже своего Учителя.

– Вставай, капризуля! – В словах его звучала улыбка. – Я

принёс тебе предписание о твоей будущей работе.

Она резко поднялась, и вопросительно, почти с мольбой, посмотрела на него. Он протянул ей лист бумаги. Она взяла его, но не смогла прочитать. От волнения у неё всё прыгало перед глазами.

– Прочитайте, пожалуйста.

– Безобразие! Так довести себя. – Учитель покачал головой. – Хорошо. Коротко зачитаю суть, чтоб не мучить тебя. – Во-первых, Анастасии Гвиндоровой отказать в присуждении квалификации куратора Земли. – Он взглянул на неё. Настя сидела, не шевелясь, сцепив пальцы рук. – Во-вторых, назначить Анастасию Гвиндорову на должность Снегурочки на планету Земля, с разрешением на исполнение нелимитированного количества желаний по её усмотрению.

Настя чуть не подпрыгнула на месте, и с изумлением уставилась на Аркеса. Он продолжал:

– Основание назначения: необходимость как осознания отдельными человеческими личностями своих истинных стремлений, что крайне полезно для личностного развития и сокращает дальнейшие земные воплощения в стремлении к Абсолюту; так и всемерного поддержания радости и счастья человеческой жизни на Земле, как наиредчайшего феномена нашей реальности.

***

Вот так заканчивается рассказ о девушке, которая может исполнять мечты. Если зимним днём или вечером, вы откро-

ете окно и услышите звонкий девичий смех; если вы увидите кружение снежинок, от которых светлее становится у вас на душе, то бросайте все дела, и идите с открытым сердцем к людям; и, возможно, вы встретите её – Снегурочку. Только думайте о хорошем! Ведь желание может исполниться...

---

[i] Планета Глория – загадочный космический объект, находящийся за Солнцем. Антипод нашей планеты Земля не отличающийся от неё размерами, альтернативная планета, имеющая свою цивилизацию.

Начало конца (2019 г)

Художник стоял перед картиной и с ненавистью смотрел на неё. Вот уже месяц, как он не мог её закончить. Живописец ещё и ещё раз придирчиво осматривал свою работу.

В центре полотна изображена прекрасная обнажённая девушка, безупречность её форм подчёркивала струящаяся вдоль тела волна золотистых волос, стыдливо прикрывающая лоно. Красавица, улыбаясь, протягивала яблоко обнажённому юноше, который замер в нерешительности. Фигуры девушки и юноши изображены на фоне огромного раскинувшего ветви дерева, в которых угадывался хвост змеи, спрятавшейся за ствол.

Картина была как живая: казалось, что дерево шелестит листвой, а змей, сделав своё дело, быстро скользит по ветвям, прячась в густой кроне. Юноша, полный сил и энергии. Его желание, побеждающее нерешительность, передано так точно, что казалось – ещё секунда, и он возьмёт яблоко, протягиваемое девушкой. Глаза юноши, несмотря на сомнение, сияют отвагой. Девушка изображена изумительно. Волосы и стройный стан делали ею воздушной, как мечта, а молодая упругая грудь с маленькими розовыми сосками, ещё не тронутыми губами мужчины и ребёнка, – соблазнительной, как жизнь. Лицо её прекрасно – если не смотреть ей в глаза. Глаза! Они были мертвы и пусты, как у куклы! Художник ниче-

го не мог поделаться с её глазами!

Он в раздражении стёр их в очередной раз.

"Да что ж это такое! Всё что угодно в этих глазах: пустота, похоть, наивность, призыв, кокетство, смех, но все не то! Не то!" – он в отчаянии бросил кисть.

Зазвонил телефон.

– Слушаю, – взял трубку художник.

– Здравствуйте, Борис Петрович! – услышал он женский голос. – Вас беспокоит галерист Алла Станиславовна Берг. Вы помните, что через два месяца у нас запланирована выставка ваших работ? У нас договор на создание пяти картин, но вы пока представили только четыре. Картину «Начало конца» по библейскому мотиву об изгнании Адама и Евы из рая мы до сих пор не увидели. Когда можно будет приехать и взглянуть на картину?

– Да-да, Алла Станиславовна! Конечно, я помню, уже заканчиваю, ещё неделя-другая, и я приглашу вас её посмотреть, не беспокойтесь!

– Ну, хорошо. Жду вашего звонка! Творческих успехов. До свидания!

– Всего доброго, Алла Станиславовна!

Положив трубку, художник стал ходить по мастерской.

"Что же делать? Что делать? Я не могу закончить картину. Две недели", – бормоча, он сел за стол, стоящий прямо перед большим окном, и начал рисовать эскизы глаз. набросок за наброском выходили из-под его карандаша, и один за другим

летели на пол.

"Все не то! Не то!".

Снова зазвонил телефон.

– Да, – в раздражении сказал мужчина.

– Бориска, привет! Это я. Ты как? Давно не звонишь, – от этого женского голоса у художника потеплело на душе: взгляд его смягчился, черты лица стали спокойнее.

– Симка, привет! Прости, милая, замотался совсем. Ты ж понимаешь, договор поджигает. Надо сдавать последнюю картину, а у меня она что-то не идёт. Устал, что ли, никак закончить не могу. Не обижайся, пока весь в ней. Я тебе перезвоню тогда, ладно? Не обижаешься? Ты сама как? У тебя всё хорошо?

– Не беспокойся, у меня всё хорошо! Работай спокойно, – ответила Сима. – Я же знаю, ты у меня талантище! У тебя все получится! Только отдыхать не забывай и обедать! Обещаешь?

– Обещаю, – засмеялся художник.

– Ну, давай! Вдохновения тебе, жду звонка.

Проходя мимо зеркала, он бросил взгляд на своё отражение. Остановился и внимательно посмотрел на себя, как будто увидел в первый раз. Из зеркала на него смотрело лицо растерянного человека неопределённых лет. Этот человек был высок и худ, рубашка-балахон и узкие джинсы подчёркивали его худобу. Лихорадочный блеск глаз и бледность кожи придавали ему болезненный вид. Чёрные волосы, со-

бранные резинкой в хвост, и худое небритое лицо довершали образ.

– М-да, ну и вид у меня, – поморщился художник.

Он пошёл в ванную и побрился. Затем накинул плащ и, бросив взгляд на картину, вышел из дома.

***

На улице царствовала осень. Она только-только взошла на престол, чуть тронув разноцветными красками листья деревьев. Запоздалые цветы ещё не отцвели на клумбах, но уже поникли, предчувствуя свой близкий конец. День клонился к закату. Художник шёл по оживлённому проспекту и заглядывал встречающимся людям в глаза, стараясь уловить их выражение, пытаясь поймать тот единственный взгляд, который ему так был нужен сейчас.

Вот прошли девушки со смеющимися беззаботными глазами. А там, на скамейке недалеко от памятника, сидят влюблённые и не сводят друг с друга радостных глаз. Тихо прошёл куда-то сгорбленный старик, мелькнул его угрюмый взгляд. Офисные работники спешат домой озабоченные, задумчивые, измученные, довольные, несчастные, спокойные, усталые... – десятки эмоций отражаются в их глазах.

– Алёшенька! Куда побежал, стой, там машины!

Он оборачивается и видит ребёнка лет пяти, который бежит за мячиком. Мячик катится совсем близко. Художник подхватывает его и даёт малышу. Тут же подбегает его мама.

– Спасибо большое! – благодарит она.

– Осторожнее с мячом, машины рядом, – говорит тот.

– Да, конечно, случайно выпал у меня из рук. Мы сейчас во двор идём гулять, – мать смотрит с любовью и заботой на малыша, с благодарностью на художника.

«Всё не то! Не то!» – в отчаянии думает он.

Художник зашёл в ближайший бар.

– Здравствуйте. Пожалуйста, джек с колой, двойной и сэндвич, – делает он заказ бармену и, получив его, отходит к столику у окна.

Рядом сидят двое мужчин. Один, с беспокойным, мечущимся взглядом, что-то доказывает другому. Другой бессмысленными глазами смотрит на свой стакан.

В углу вполголоса поругивается и пересмеивается молодёжь.

– Развлечься не желаете? – рядом приживается разбитная девица с бойцовской раскраской лица, в короткой чёрной кожаной юбке и коротком ярко-красном кардигане. В глубине ярких вызывающих глаз девицы таится едва различимый страх и мольба. У стойки бара художник замечает сутенёра, ссутулившегося и злобно посматривающего.

– Нет, спасибо.

Наваливается тоска. Отбросив коктейльную трубочку, он залпом выпивает напиток и, быстро зажевав его бутербродом, идёт к выходу.

"Всё бесполезно, – думает он. – И зачем надо было уходить Адаму и Еве из рая в такое дерьмо?"

Усталый, он возвращается домой и в изнеможении, не раздеваясь, ложится на диван.

***

Художник видит безграничный космос. Непроницаемая темнота и тишина вокруг него. Вдруг он замечает яркую точку, потом ещё и ещё. Теперь уже со всех сторон издалека к нему приближаются светящиеся небесные тела. Они становятся всё ярче, и, наконец, видит их совсем близко. Художник понимает, что это за тела! Перед ним, позади него, сверху, снизу – со всех сторон, везде, куда он не бросает взгляд, плывут глаза. Большие, средние и маленькие; карие, голубые, чёрные, зелёные, всех возможных цветов и оттенков; узкие и широко распахнутые; круглые, квадратные, треугольные – всякие!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.